

15 октября 2009 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошли Чтения, посвященные 300-летию со дня рождения А. Д. Кантемира, организованные Отделом литературы XVIII века ИРЛИ РАН.

Чтения открылись докладом С. И. Николаева (ИРЛИ РАН) «Подражания Кантемиру в русской поэзии XVIII–XX веков». Докладчик напомнил, что В. К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов...» 1735 г. первым объявил Кантемира автором, заслуживающим подражания. Он напечатал единственную при жизни поэта строку из первой сатиры «без сомнения главнейшего и искуснейшего пииты российского». Кантемиру начали подражать еще при жизни. В конце 1730–1760-х гг. разными авторами были написаны три сатиры в подражание Кантемиру. Это прежде всего сатира «На состояние сего света. К Солнцу», которая в XIX–XX вв. даже включалась в корпус его сочинений. Две другие сатиры, опубликованные в 1928 г. В. Н. Перетцом, также откровенно подражают Кантемиру, а в одной есть и прямые из него заимствования. Неожиданный всплеск интереса к Кантемиру пришелся на начало XIX века. С сочувствием и почтением о нем писали Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, М. Н. Муравьев, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков и другие. Подражания же Кантемиру были немногочисленны и неудачны (Е. И. Алипанов, А. Е. Измайлов, анонимная сатира). В силлабо-тонических подражаниях пропадает все очарование поэзии Кантемира, отмеченное В. Г. Белинским. Только 60-е годы XX века принесли лучшие подражания Кантемиру. Это стихи И. А. Бродского «Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром. На объективность» (1966) и послание «К стихам» (1967). Удача этих подражаний заключалась не только в уместной лексической архаизации и не очень привычном размере, но и в воспринятой Бродским концепции затрудненной поэтической речи, которую разработал и ввел в русскую поэзию Кантемир. В заключение докладчик подчеркнул, что Кантемиру только подражали, более или менее удачно, а вот пародии на него неизвестны, и это отличает его от других крупных русских поэтов XVIII века.

Доклад Е. Э. Бабаевой (Институт русского языка РАН) «Кантемир-лингвист» был посвящён важнейшим для Кантемира проблемам, входящим в область языкознания, включая проблему поэтического языка. Кантемир не отрицает близости стиха разговорной речи, но вместе с тем противопоставляет поэтическую речь «простой», диалогу, типу повествования, приближенному к обыденной речи. Это характерно и для других авторов 1720-х годов, например, В. К. Тредиаковского. Но большинство «лингвистических» замечаний и рассуждений Кантемира посвящено слову как важнейшей единице языка. С понятием слова связана теория обогащения языка: переводы должны вводить новые понятия, новые слова, в этом цель переводческой деятельности и для самого Кантемира (в переводах писем Горация много новых слов). В Европе на рубеже XVII – XVIII вв. обсуждался вопрос о совершенстве языка, причём превосходство одного над другим обычно видели в широких возможностях словообразования. Кантемир стремится реализовать все словообразовательные возможности русского языка. При синонимичности стремился проводить семантическое разграничение. В своих взглядах Кантемир не ограничен занимаемой позицией или авторитетом какого-либо учёного, в каждом конкретном случае выбора чувствовал себя свободно в русле как европейской, так и русской традиции. Докладчица подчеркнула ценность исследования примечаний и комментариев Кантемира для изучения выбранной ею темы.

Н. Ю. Алексеева (ИРЛИ РАН) в докладе «Примечания Кантемира к «Письмам» Горация» обратила внимание на практическое воплощение филологической программы Кантемира. В посмертном издании переведённых им «Писем» Горация (1744) по ряду причин не воплотился авторский замысел публикации подготовленного им к 1742 году рукописного сборника. Прежде всего это относится к составу книги, но не только к нему. Указания наборщику переводов из Анакреонта, видимо, распространялись и на этот труд и также не были учтены издателями. В предполагавшемся Кантемиром издании всё соответствовало европейской практике, кроме подстрочных примечаний, сама обширность которых также была необычна. Печатание перевода без латинского текста привело к тому, что комментарии

относятся к переводу, а не к оригиналу, в чём проявляется отличие Кантемира от комментатора Горация А. Досье, на которую он в остальном опирался. Таким образом, для Кантемира работа над примечаниями оказалась связана с работой над переводом. В этой работе он использовал, с одной стороны, традицию Славяно-греко-латинской академии, с другой стороны, традицию итальянской школы. Итогом стало соединение в одном издании изящества перевода (подчас дословного) с серьёзностью комментария. Опыт Кантемира не был учтён ни современниками, ни последующими переводчиками русской школы, которая в отношении научности после Кантемира шла не вперёд, а назад. Однако им впервые в русской культуре было указано на значение конгениального перевода, снабжённого филологическим комментарием.

Н. А. Копанев (Российская Национальная Библиотека) в докладе «Кантемир и И. Г. Лесток по материалам переписки 1743–1744 гг.» остановился на неопубликованных письмах А. Д. Кантемира, хранящихся в Отделе рукописей РНБ в составе фонда П. П. Дубровского. Прежде всего, это переписка с военачальниками, участвовавшими в русско-турецкой войне 1730-х гг., в первую очередь с Х. А. Минихом. Целью переписки было получение информации о военных действиях в областях, ранее принадлежавших роду Кантемиров. По мнению докладчика, благодаря этой переписке Кантемир, находившийся на дипломатической службе вдалеке от двора, стремился наладить хорошие отношения с властями предержавными. Письма, написанные им в Санкт-Петербург после отставки Миниха, содержат в основном просьбы к И. Г. Лестоку, связанные с испытываемыми Кантемиром материальными трудностями: он оплачивал часть расходов посольства, за свой счёт делал покупки для высокопоставленных лиц, не всегда компенсировавших эти затраты. При этом в какой-то момент ему перестали выплачивать жалованье. Ставка на Лестока в конечном счёте себя не оправдала: во-первых, тот не исполнял данные им Кантемиру обещания похлопотать за него перед императрицей Елизаветой Петровной, во-вторых, эта переписка, скорее всего, была воспринята как принадлежность Кантемира к определённой партии, что недостоверно. Оклеветанный недоброжелателями, не имевший возможности оправдать себя перед русским правительством, поэт с честью выдерживал испытания и добросовестно исполнял свои обязанности до тех пор, пока ему позволяло его здоровье. Завершило чтения выступление С. И. Николаева «Изучение Кантемира в последние десятилетия». Докладчик рассмотрел как деятельность по изданию наследия Кантемира, так и изменения в различных аспектах изучения его творчества за последние полвека, останавливаясь и на достигнутых научных успехах, и на существующих лакунах. После 1956 года научные издания Кантемира в России не выходили. В источниковедении имеются отдельные достижения, в частности, выявлены неизвестные ранее письма Кантемира. Любопытно, что корпус выявленных сочинений не только увеличился, но и уменьшился за счёт приписывавшихся Кантемиру переложений псалмов. Расширился иконографический ряд: обнаружено несколько неизвестных ранее портретов писателя, в том числе автопортрет. Исследования охватывают различные аспекты изучения: язык и стиль, переводческая деятельность, биография, философские воззрения, отдельные произведения (такие как «Петрида»). Некоторые итоги подвела книга Ю. Щеглова «Антиох Кантемир и стихотворная сатира». Несмотря на значительные достижения, до сих пор нет ни итогового научного издания, включающего и новые материалы, ни монографического описания жизни и творчества Кантемира. В целом филологическая наука обогатилась большим количеством материала, но предстоит ещё самое главное: обобщающие работы. В заключение докладчик с сожалением отметил, что, несмотря на подтверждённую давней работой Х. Грассгофа дату рождения Кантемира (1709), во многих справочниках, не говоря уже о памятниках и бюстах, указывается 1708 год.

В заключение Н. Д. Кочеткова поблагодарила всех участников чтений за содержательные доклады, а также всех присутствующих за развёрнутые обсуждения. Материалы чтений предполагается опубликовать в очередном выпуске сборника «XVIII век» под отдельной рубрикой.